

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи Даровой конь

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172643*

Ведьма: Эксмо; М.: 2007

ISBN 5-699-20104-4

Надежда Тэффи

Даровой конь

Николай Иваныч Уткин, маленький акцизный чиновник маленького уездного городка, купил рублевый билет в губернаторшину лотерею и выиграл лошадь.

Ни он сам, ни окружающие не верили такому счастью. Долго проверяли билет, удивлялись, ахали. В конце концов отдали лошадь Уткину.

Когда первые восторги поулеглись, Уткин призадумался. «Куда я ее дену? – думал он. – Квартира у меня казенная, при складе, в одну комнату, да кухня. Сарайчик для дров махонький, на три вязанки. Конь же животное нежное, не на улице же его держать».

Друзья посоветовали попросить у начальства квартирных денег.

– Откажись от казенной. Найми хоть похуже, да с сарайчиком. А отказывать станут – скажи, что, мол, семейные обстоятельства, гм... приращение семейства.

Начальство согласилось. Деньги выдали. Нанял Уткин квартиру и поставил лошадь в сарай. Квартира стоила дорого, лошадь ела много, и Уткин стал наводить экономию –

бросил курить.

– Чудесный у вас конь, Николай Иванович, – сказал соседний лавочник. – Беспременно у вас этого коня сведут.

Уткин забеспокоился. Купил особый замок к сараю. Заинтересовалось и высшее начальство Николая Ивановича.

– Эге, Уткин! Да вы вот какой! У вас теперь и лошадь своя! А кто же у вас кучером? Сами, что ли, хе-хе-хе!

Уткин смутился.

– Что вы, помилуйте-с. Ко мне сегодня вечером обещал прийти один парень. Все вот его и дожидался. Знаете, всякому доверить опасно.

Уткин нанял парня и перестал завтракать.

Голодный, бежал он на службу, а лавочник здоровался и ласково спрашивал:

– Не свели еще лошадку-то? Ну, сведут еще, сведут! На все свой час, свое время.

А начальство продолжало интересоваться:

– Вы что же никогда не ездите на вашей лошадке?

– Она еще не объезжена. Очень дикая.

– Неужели? А губернаторша на ней, кажется, воду возила.

Странно! Только знаете, голубчик, вы не думайте продать ее. Потом, со временем, это, конечно, можно будет. Но теперь ни в коем случае! Губернаторша знает, что она у вас, и очень этим интересуется. Я сам слышал. «Я, говорит, от души рада, что осчастливила этого бедного человека, и мне отрадно, что он так полюбил моего Колдуна». Теперь понимаете?

Уткин понимал и, бросив обедать, ограничился чаем с ситником.

Лошадь ела очень много. Уткин боялся ее и в сарай не заглядывал. «Еще лягнет, жирная скотина. С нее не спросишь».

Но гордился перед всеми по-прежнему.

– Не понимаю, как может человек, при известном достатке, конечно, обходиться без собственных лошадей. Конечно, дорого. Но зато удобство!

Перестал покупать сахар.

Как-то зашли во двор два парня в картузах, попросили позволения конька посмотреть, а если продадут, так и купить. Уткин выгнал их и долго кричал вслед, что ему за эту лошадь давно тысячу рублей давали, да он и слышать не хочет.

Слышал все это соседний лавочник и неодобрительно качал головой.

– И напрасно, вы их только пуще разжигаете. Сами понимаете, какие это покупатели!

– А какие?

– А такие, что воры. Конокрады. Пришли высмотреть, а ночью и слямзят.

Затревожился Уткин. Пошел на службу, даже ситника не поел. Встретился знакомый телеграфист. Узнал, потужил и обещал помочь.

– Я, – говорит, – такой аппарат поставлю, что как, значит,

кто в конюшню влезет, так звон-треск по всему дому пойдет.

Пришел телеграфист после обеда, работал весь вечер, приладил все и ушел. Ровно через полчаса затрещали звонки.

Уткин ринулся во двор. Один идти оробел. Убьют еще.

Кинулся в клетушку, растолкал парня Ильюшку. А звонок все трещал да трещал. Подошли к сараю. Смотрят – замок на месте. Осмелели, открыли дверь. Темно. Лошадь жуёт. Осмотрели пол.

– Ска-тина! – крикнул Уткин. – Это она ногой наступила на проволоки. Ишь жуёт. Хоть бы ночью-то не ела. У нас, у людей, хоть какой будь богатый человек, а уж круглые сутки не позволит себе есть. Свинство. Прямо не лошадь, а свинья какая-то.

Лег спать. Едва успел задремать – опять треск и звон. Оказалось – кошка. На рассвете опять.

Совершенно измученный пошел Уткин на службу. Спал над бумагами.

Ночью опять треск и звон. Проволоки, как идиотки, соединялись сами собой. Уткин всю ночь пробегал босиком от сарая к дому и под утро захворал. На службу не пошел.

«Что я теперь? – думал он, уткнувшись в подушку. – Разве я человек? Разве я живу? Так – пресмыкаюсь на чреве своем, а скотина надо мной царит. Не ем и не сплю. Здоровье потерял, со службы выгонят. Пройдет моя молодость за ни-

что. Лошадь все сожрет!»

Весь день лежал. А ночью, когда все стихло и лишь слышалась порою трескотня звонка, он тихо встал, осторожно и неслышно открыл ворота, прокрался к конюшне и, отомкнув дверь, быстро юркнул в дом.

Укрывшись с головой одеялом, он весело усмехался и подмигивал сам себе.

– Что, объела! А? Недолго ты, матушка, поцарствовала, дромадер окаянный! Сволокут тебя анафемские воры на живодерню, станут из твоей шкуры, чтоб она лопнула, козловые сапоги шить. Губернаторшин блюдолиз! Вот погоди, покажут тебе губернаторшу.

Заснул сладко. Во сне ел оладьи с медом. Утром крикнул Ильюшку, спросил строгим голосом... – все ли благополучно?

– А все!

– А лошадь... цела? – почти в ужасе крикнул Уткин.

– А что ей делается.

– Врешь ты, мерзавец! Конский холоп!

– А ей-богу, барин! Вы не пужайтесь. Конек ваш целехонек. Усе сено пожрал, теперь овса домогается.

У Уткина отнялась левая нога и правая рука. Лево́й руко́й он написал записку:

«Никого не виню, если умру. Лошадь меня съела».